ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

Оригинальная статья
УДК 316.42; 303.425
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-5-120-139

Социальные технологии и социальная инженерия: современная концептуализация и перспективы осмысления в контексте вызовов цифровизации

***Валентин Павлович Бабинцев*[1], *Жанна Александровна Шаповал*[2]✉, *Никита Геннадьевич Румянцев*[3]**

[1, 2, 3]*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия*

[1]*babintsev@bsuedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0112-6145*

[2]✉*shapoval@bsuedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-8069-9274*

[3]*rumyantsev@bsuedu.ru*

Введение. Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией общества и конвергенцией технологий, которые трансформируют традиционные социальные практики. В отечественной науке теория социальных технологий остается недостаточно разработанной, поскольку существующие подходы мало учитывают вызовы цифровой эпохи. Ситуация усугубляется неопределенностью понятийного аппарата, размытостью границ между социальными технологиями и социальной инженерией, отсутствием рефлексии изменений, произошедших в исследуемом феномене под влиянием дигитальных процессов. Целью статьи является выявление состояния концепции социальных технологий и социальной инженерии с учетом изменений в их содержании, произошедших и происходящих в ходе цифровизации общества.

Методология и источники. Работа базируется на критическом анализе отечественных и зарубежных публикаций, а также на результатах экспертного опроса 25 специалистов в области социальных технологий.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного исследования выявлены основные проблемные поля теории социальных технологий: отсутствие консенсуса в профессиональном сообществе к определению социальной технологии; не вполне адекватная рефлексия состояния теоретико-методологического обоснования социальных технологий; непроясненность соотношения социальных технологий и социальной инженерии. Показана сложность проблемы разграничения социальных, «производственных» и информационных технологий. Предложены критерии демаркации социальных технологий от иных социальных практик, к которым отнесены алгоритмичность, этапность, рациональность, формальная упорядоченность. Продемонстрировано, что цифровизация привела к реабилитации понятия «социальные технологии» в общественном сознании, ранее существенно дискредитированного манипулятивными политтехнологиями. Сделан вывод о том, что конвергенция технологий (НБИКС) и гибридизация социальной реальности не отменяют социальные технологии, но преобразуют соотношение их компонентов.

Заключение. Таким образом, в дигитальном обществе не ослабевает, но только усиливается потребность в теоретических исследованиях в области социальных технологий и социальной инженерии. Решение этой задачи связано, с одной стороны, с рено-

© Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А., Румянцев Н. Г., 2026
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

вацией теоретических положений, обоснованных в конце прошлого века, с другой – с выдвижением новых идей, раскрывающих содержание социальных технологий и социально-инженерных практик в цифровом обществе.

Ключевые слова: социальные технологии, социальная инженерия, социальная архитектура, цифровизация, социально-технологический подход

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 25-28-03536 «Проектирование социальной архитектуры провинциальной городской агломерации в России»).

Для цитирования: Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А., Румянцев Н. Г. Социальные технологии и социальная инженерия: современная концептуализация и перспективы осмысления в контексте вызовов цифровизации // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-120-139

Original paper

Social Technologies and Social Engineering: Modern Conceptualization and Perspectives for Understanding in the Context of Digitalization Challenges

***Valentin P. Babintsev*[1], *Zhanna A. Shapoval*[2]✉, *Nikita G. Rumyantsev*[3]**

[1, 2, 3]*Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*
[1]*babintsev@bsuedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0112-6145*
[2]✉*shapoval@bsuedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-8069-9274*
[3]*rumyantsev@bsuedu.ru*

Introduction. The relevance of the research is due to the rapid digitalization of society and the convergence of technologies that transform traditional social practices. In Russian science, the theory of social technologies remains insufficiently developed, since existing approaches take little account of the challenges of the digital age. The situation is aggravated by the uncertainty of the conceptual framework, the blurred boundaries between social technologies and social engineering, and the lack of reflection on the changes that have occurred in the phenomenon under study under the influence of digital processes. The purpose of this article is to identify the state of the concept of social technologies and social engineering, taking into account the changes in their content that have occurred and are taking place during the digitalization of society.

Methodology and sources. The work is based on a critical analysis of Russian and foreign publications, as well as on the results of an expert survey of 25 specialists in the field of social technologies.

Results and discussion. As a result of the conducted research, the main problematic fields of the theory of social technologies have been identified: lack of consensus in the professional community on the definition of social technology; not entirely adequate reflection on the state of theoretical and methodological substantiation of social technologies; lack of clarity on the relationship between social technologies and social engineering. The complexity of the problem of distinguishing between social, "production" and information technologies is shown. Criteria for the demarcation of social technologies from other social practices are proposed, which include algoritmic, stepwise structure, rationality, and formal orderliness. It is demonstrated that digitalization has led to the rehabilitation of the concept of "social technologies" in the public consciousness, which was

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

previously significantly discredited by manipulative political technologies. It is concluded that the convergence of technologies (NBICS) and the hybridization of social reality do not abolish social technologies, but transform the relationship between their components.
Conclusion. Thus, in a digital society, the need for theoretical research in the field of social technologies and social engineering is not weakening, but only increasing. The solution to this problem is connected, on the one hand, with the renewal of theoretical propositions grounded at the end of the last century. On the other hand, with the promotion of new ideas that reveal the content of social technologies and social engineering practices in the digital society.

Keywords: social technologies, social engineering, social architecture, digitalization, socio-technological approach

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 25-28-03536 "Designing the social architecture of a provincial urban agglomeration in Russia").

For citation: Babintsev, V.P., Shapoval, Z.A. and Rumyantsev, N.G. (2026), "Social Technologies and Social Engineering: Modern Conceptualization and Perspectives for Understanding in the Context of Digitalization Challenges", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 5, pp. 120–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-5-120-139

Введение. Социальные технологии являются одной из наименее разработанных областей социально-гуманитарного знания в современной России. В настоящее время можно назвать лишь несколько посвященных этой проблематике серьезных монографических исследований, большая часть которых издана не позднее 2020 г. (см., например [1–8]). Безусловно, ежегодно публикуется некоторое количество научных статей, авторы которых более или менее последовательно используют методологию социально-технологического подхода (или то, что понимается под ним) для анализа преимущественно частных аспектов социального управления (см., например [9–12]). Но практически нет попыток интерпретировать этот подход с учетом новых тенденций развития общества в цифровую эпоху. Показателен пример проведенной недавно в МГУ XX Международной научной конференции «Сорокинские чтения–2026», программой которой предусматривалось рассмотрение темы «Социальные технологии в России: от социальной инженерии к социальной архитектуре» (руководитель секции – канд. социол. наук, доц. О. В. Гавриленко). Абсолютное большинство выступающих посвятили свои доклады обобщению практик применения социальных технологий для решения ситуативных проблем, что, несомненно, важно и интересно. Но довольно давно известно: приступая к решению конкретных вопросов без предварительного решения общих, трудно рассчитывать на успех. Однако лишь в нескольких сообщениях [13–16], да в какой-то мере в материалах, авторы которых разрабатывают концепцию социальной архитектуры [17; 18], эти общие аспекты социальных технологий были слегка затронуты.

Разумеется, не лишено оснований возможное возражение против позиции авторов статьи. Оно заключается в том, что теоретико-методологические вопросы уже давно решены, и нет необходимости повторять давно известные истины. Но, применяя этот аргумент, его сторонники изначально исходят из представления о неизменности как самих социальных технологий, так и условий их использования. А оно противоречит реальности, которая с внедрением цифровых технологий стала исключительно динамичной. Более того, высокая динамика обеспечивается прежде всего за счет обновления технологической составляющей. И если обновляются традиционные (условно «производственные») технологии, то, оче-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

видно, нельзя отрицать и трансформацию социальных технологий. Тем более, что исследователи фиксируют тенденцию конвергенции технологий, в результате которой усиливается их взаимопроникновение и взаимозависимость.

Все это позволяет сформулировать предположение о неизбежном наличии изменений в самом феномене социальных технологий. Они в настоящее время не могут не отличаться от тех, с которыми имели дело создатели социально-технологического похода в социальном анализе и органически связанной с ним концепции социальной инженерии. К их числу, наряду с К. Поппером, можно с полным правом отнести К. Маннгейма, Р. Паунда, А. Файоля, А. А. Богданова, А. К. Гастева и ряд других исследователей и практиков. Наивно полагать, что дигитальная революция, сделавшая, по словам О. Н. Яницкого [19, с. 8], вызов самой сущности социального, не затронула социально-технологические практики.

Цель статьи – выявление состояния концепции социальных технологий и социальной инженерии с учетом изменений в их содержании, произошедших и происходящих в ходе цифровизации общества.

Методология и источники. Особенностью разработки теоретико-методологических оснований проблематики социальных технологий и социальной инженерии является сочетание относительно глубокой проработки отдельных аспектов при отсутствии общей метаконцепции. Основную причину этого авторы усматривают в том, что элементы социально-технологической деятельности включены в многообразные практики, предполагающие решение задачи последовательного (поэтапного, поэлементного) преобразования общественных отношений. Поэтому, рассматривая специфику человеческой деятельности в любой сфере, исследователи вольно или невольно выносили свои суждения относительно применяемых для этого процедур оптимизации человеческой деятельности. Идеи такого рода содержатся в трудах многих признанных авторитетов в области социологии и социально-гуманитарного знания в целом. Набор этих имен и высказанных ими продуктивных идей можно встретить в учебниках по социальным технологиям (см., например [20; 21]). К их числу, кроме упомянутых выше, нередко относят М. Вебера, П. Сорокина, Р. Мертона, Т. Парсонса, подтверждая тем самым универсальный характер социально-технологического знания. Но фрагментарные «университетские» представления не дают общего понимания логики развития теории социальных технологий и социальной инженерии и не могут выступать в качестве работающей методологии исследований, основания для оценки полученных в ходе их результатов. Таковым может быть лишь систематизированное, целостное знание, представленное в виде парадигмы, которая в рассматриваемом случае представляет собой методологию отрасли социологической науки – теории социальных технологий.

Эта парадигма может быть определена как социальное конструирование реальности и в основе своей опирается на предложенную П. Бергером и Т. Лукманом концепцию [22]. В рамках ее технологии рассматриваются в качестве средств, с помощью которых «люди *вместе* создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социокультурных и психологических образований, ни одно из которых нельзя понять в качестве продуктов биологической конституции человека, которая, как уже отмечалось, устанавливает лишь внешние пределы производительной деятельности человека» [22, с. 36]. В ходе анализа этих средств и практик их применения целесообразно опираться на ряд принципов, обоснован-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

ных различными авторами, рассматривавшими те или иные аспекты преобразующей деятельности человека. К ним относим:

– принцип рациональной обусловленности, согласно которому системное применение социальных технологий возможно лишь в рамках целерационального социального действия, в его основе, согласно М. Веберу, «лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве “условий” и “средств” для достижения своей рационально поставленной и продуманной *цели*» [23, с. 628]. Другим аспектом этого принципа является требование разумного ограничения, заключающегося в понимании невозможности технологизировать всю человеческую деятельность, в которой всегда присутствует иррациональный компонент – то, что Бёрк называл «предрассудками» [24], а современные социологи – архетипическими и ментальными структурами, габитусами и стереотипами [25, с. 346];

– принцип развития и саморазвития. В соответствие с ним технологии – источник общественных перемен (а согласно болгарскому исследователю Н. Стефанову, апеллировавшему в свою очередь к Э. де Боно, даже главный источник [26, с. 172]). Безусловно, значение технологий как источника развития общества не следует преувеличивать, они лишь инструменты в руках людей – очевидно, не случайно П. Бергер и Т. Лукман пишут о *социальном* конструировании реальности, оно велико. И что не менее важно, социальные технологии сами развиваются по мере эволюции социума;

– принцип алгоритмизации. Социальные технологии и социоинженерные практики недопустимо сводить только к методам или приемам преобразования человеческой деятельности и ее среды. Их специфика – в «процессности» изменений. Они должны восприниматься как комплексы разделенных на этапы алгоритмически выстроенных процедур и операций, оптимизирующих социальные процессы и выступающих источником общественных перемен [26, с. 172];

– принцип институционализации. Обращение к нему основано на представлении о социальных технологиях как об институциях правил и норм, по Д. Норту, «правил игры», утверждение которых соответствует общей логике процесса институционализации: экстернализации (проецирования элементов сознания вовне), объективации (придания объективности) и интернализации (перевода объективного мира в сознание через социализацию [27, с. 42–43].

Исследование в теоретическом отношении опирается на критический анализ работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных социальным технологиям, социальной инженерии, а в последнее время – социальной архитектуре [4; 13–18; 20; 21; 28–45].

При подготовке данной статьи была предпринята попытка подкрепить теоретические выводы результатами эмпирического исследования в форме экспертного опроса, проведенного среди научных работников и преподавателей вузовских кафедр, чье руководство официально позиционирует их, используя понятие «социальные технологии». Однако при его реализации был выявлен дефицит специалистов, постоянно и квалифицированно занимающихся разработкой рассматриваемой проблематики. Изучение научно-публикационной активности в сфере социальных технологий позволило отобрать для участия в опросе всего 37 кандидатов по нескольким критериям: научной специальности, публикационной активности в сфере со-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

циальных технологий и опыту преподавания соответствующих курсов. 25 из них ответили на вопросы предложенной анкеты. Разумеется, полученные данные недостаточно валидны. Однако на их основании можно очертить некоторый круг довольно очевидных проблем. Тем более, что полученные данные уточнялись с учетом материалов, относящихся к работе, сложившейся еще в начале 90-х гг. прошлого века белгородской школы социальных технологов – одной из первых в России (создатели – Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко, Г. А. Котельников). Некоторые показатели работы школы за последние пять лет, обобщенные административными структурами Белгородского государственного национального исследовательского университета, выглядят так: под руководством участников коллектива успешно защищено шесть кандидатских диссертаций, поддержано три проекта (гранта) во внешних конкурсах, опубликовано 35 статей коллектива в журналах, индексируемых в БД WoS/Scopus, издано семь монографий. До 2024 г. участники школы ежегодно проводили научные мероприятия по проблемам социальных технологий, однако в последнее время в связи с усложнением обстановки в российско-украинском приграничье делать это становится все сложнее.

Социальная технология и социальная инженерия: определение предмета. Рассуждая о социальных технологиях и социальной инженерии, прежде всего уточним предмет обсуждения. Проблема состоит в том, что в работах исследователей он выступает как минимум в двух ипостасях. В первом случае имеется в виду конкретная область обществознания. Эта трактовка апеллирует к широко известному определению Л. Я. Дятченко, который писал о социальных технологиях как о «специально организованной области знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов» [30, с. 52]. В данном случае понятие «социальная технология» следовало бы использовать во множественном числе, поскольку такие знания разнообразны, дифференцируются по сферам общественной жизни и уровням самоорганизации социума. Объединяет их подчеркнутое автором функциональное предназначение – оптимизация социально-преобразующей деятельности людей. Полагаем возможным добавить: на основе рационализации социальной реальности.

Знание о социальных технологиях – это сугубо рациональное знание, опирающееся на использование строгих понятий, выявление причинно-следственных связей между объектами и калькуляцию позитивных и негативных результатов своих действий.

Однако с неизбежностью встает вопрос, каким критериям должны соответствовать способы и процедуры, оптимизирующие деятельность людей? В ходе различных исследований предпринимались попытки составить их перечень. Обычно к числу параметров, которым должна соответствовать социальная технология, относят следующие: целенаправленность, алгоритмичность, планомерность, рефлексивность, разделение на этапы, воспроизводимость, нормативность, эффективность, управляемость [20; 32; 38; 44]. Иногда к их числу добавляют гуманистическую ориентацию, однако в самой идее технологизации социальной реальности этот параметр, несомненно востребованный массами людей, изначально не заложен.

Представляется весьма сомнительным возможность определения социальных технологий через описание всех присущих им качеств. Жизнь слишком разнообразна и динамична, что гарантирует постоянное обновление списка. При этом всегда существует возможность упустить какую-либо характеристику, что практически обесценивает нормативность перечня, в

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

соответствие с которым все позиции должны быть обязательными. Но наличие перечня критериев-показателей является значимым, поскольку позволяет на основании несоответствия той или иной практики хотя бы одному из критериев отказать ей в статусе технологии.

Развитие теории социальных технологий в рамках сложившейся парадигмы, основанной на описании некоторых однозначно присущих им признаков, стало одной из причин того, что рамки социально-технологического дискурса являются весьма узкими. На это в свое время указывал В. В. Щербина, который выделял всего лишь четыре «согласованных представления о феномене СТ» (социальной технологии): а) большинство связывают представление об СТ с решением практических задач социальной сферы; б) СТ относят к числу инструментальных средств, включающих в себя набор норм, предписаний и запретов, в совокупности выступающих в качестве поведенческих или деятельностных стандартов, задающих порядок и содержание действий людей в привязке к решаемой задаче или социальному процессу; в) свойства СТ выводят из содержания двух его составляющих – термина «технология» (хотя представления о свойствах технологии в разных авторских концепциях отличаются) и термина «социальность»; г) указывают на то, что любой из их типов применим к ограниченному перечню сфер и конкретному типу практических задач, решаемых в рамках социальной жизни (хотя обоснование ее специфики сегодня является проблемой)» [41, с. 117].

Эти рамки еще более сужаются, если рассматривается феномен социальной инженерии. Уже отмечалось, что К. Поппер применял понятие «технология» как удачное определение для характеристики теоретического аспекта рассматриваемых им практических изменений общества [45].

Проблемные поля социально-технологического знания. Можно с полной определенностью утверждать, что до настоящего времени социально-технологическое знание является неполным и недостаточно строго демаркированным даже в рамках социологии. Наиболее острыми представляются три проблемы.

Неопределенность понятийного аппарата. Прежде всего это относится к основному понятию «социальная технология». Более десяти лет назад В. В. Щербина (цит. по [41, с. 117–119]) выделил не менее 25 его определений отечественными авторами, которые на основе его исследования сведены в единую таблицу (табл. 1).

Настоящее исследование дает основание считать, что к 2026 г. расхождения во мнениях в основном сохранились. Среди ученых выявились сторонники нескольких подходов к определению основного используемого ими понятия.

Первый подход акцентирует внимание на способности социальных практик обеспечивать эффективность деятельности: «Социальная технология – это совокупность методов, приемов и процедур, позволяющих систематически и предсказуемо достигать заданных социальных результатов при минимальных ресурсных затратах» (9 респондентов).

Второй подход сосредоточивает внимание на системности, последовательности реализуемых действий, их закреплении в виде специальных механизмов: «Социальная технология – это система последовательно применяемых методов, средств и механизмов взаимодействия социальных субъектов в целях оптимального, с наименьшими управленческими и ресурсными затратами изменения их свойств, характеристик, состояний» (6 респондентов).

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

Таблица 1. Особенности трактовки социальных технологий отечественными специалистами
Table 1. Peculiarities of interpretation of social technologies by domestic specialists

Автор	Определение
В. И. Подшивалкина	Инструмент практической деятельности, направленный на удовлетворение потребностей людей, которые базируются не на научных открытиях, а на повседневном знании. Социальная специфика рассматривается как «слабо онтологизированная и опредмеченная» (1997)
Л. А. Маркова	«Механизм, социализации, обеспечивающий поддержание социального порядка и воспроизводства социальных систем», где этим термином фактически обозначают «воспроизводимые социальные практики (законы, правовые нормы, правила, традиции)» (2012)
Н. Стефанов	Практическая деятельность, связанная с изменением социальных процессов в обществе, где изначально заданная цель определялась в соответствии с ориентиром изменения (1977)
В. Г. Афанасьев	Итог и продукт рационализации разнородных направлений практической деятельности, осуществляемых в социальной сфере (1977)
Т. М. Дридзе	Инструментальное средство, применяемое для решения типовых задач, возникающих в сфере социально-проектной деятельности, связанных с выработкой эффективных образцов решения социальных проблем (1986)
Г. П. Щедровицкий	Инструмент обеспечения социальных изменений в обществе и как продукт, и как средство проектирования социальной реальности (1995)
А. К. Зайцев	Совокупность специфических знаний о способах организации социальных процессов. Применение этого понятия он связывал с решением задач, возникающих в сфере управления и достижения социальных целей (1989)
В. В. Щербина	Тип технологии и продукт проектно-технологической деятельности, понимаемый как стандартизированное средство организации и рационализации управленческой деятельности, связанное с совершенствованием средств социальной регуляции деловой организации (2014)
Г. Д. Никредин	Разновидность технологий и форма организации управления, ориентированная на достижение желаемого результата и воспроизводство или изменение социальных отношений (1990)
Л. Г. Ионин	1) Совокупность приемов методов и взаимодействий, применяемых для достижения поставленных целей в процессе социального планирования и решения разнотипных социальных проблем (версия, близкая к трактовке производственных технологий); 2) любой способ применения теоретических выводов, наработанных в социологии в практических целях (1990)
В. Н. Иванов, В. П. Патрушев	1) Тип технологий и элемент управления, выполняющий инновационную функцию, связанную с повышением эффективности деятельности. Социальную специфику СТ они связывают с выявлением «скрытых потенциалов социальной системы»; 2) одним из типов СТ они считают политические технологии, в число которых включают: а) собственно избирательные технологии; б) инструкции и социальные стандарты, регулирующие политические отношения (2004)
В. С. Дудченко	Продукт и средство социального проектирования, напрямую связанные с осуществлением социальных инноваций, гарантирующие заданный результат. Они направлены на воспроизводство и изменение социальных отношений, а также на совершенствование деятельности и обеспечение типовых процедур управления (1996)
Е. М. Бабосов	Специфический социологический инструмент, используемый в любой сфере социальной практики, где возможна социальная активность. По-другому он определяет его как способ достижения социальной цели через развертывание социального процесса и его аналитического расчленения на систему взаимосвязанных этапов и процедур (2000)
Л. Я. Дятченко	Тип технологий и специфическая отрасль знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающего изменения социальных процессов. Видовое отличие СТ он видит в ориентированности на преобразование общественных связей и отношений. Их применение связывает: а) с управленческой деятельностью; б) с проблемами индивидуального развития (2010)
В. П. Бабинцев, Е. И. Бабинцева	Управленческие технологии с идеологически заданной задачей преодоления авторитарного давления и ущемления прав личности в процессе развития общества, которая связывается с реализацией как специфических региональных, так и локальных программ (2010)
Ж. Т. Тощенко	Механизм управления и специфический тип технологии, определяемый как совокупность последовательных операций и процедур воздействия на социальные объекты, инструмент реализации ориентированных на получение социального результата планов. Социальная специфика их определяется как направленность на использование человеческого ресурса. Типы технологий выделяются по их принадлежности к трем сферам: экономике, социальной и духовной (2009)

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

Третий подход заключается в указании на целенаправленность и этапность практик: «Социальная технология – это деятельность, целью которой является изменение объекта, причем деятельность предварительно расчленяется на целый ряд определенных операций, направленных на достижение некоторой цели или задачи» (5 респондентов).

Четвертый подчеркивает интерактивный характер реализуемых процедур и операций: «Социальная технология – это последовательное взаимодействие социальных субъектов, в ходе которого каждый их них реализует свою управленческую стратегию по отношению к другим и формирует социальную действительность» (3 респондента).

Единственный сторонник пятого подхода обращает особое внимание на алгоритмизацию практик: «Социальная технология – это алгоритмизированная (воспроизводимая) система знаний, методов и процедур, направленная на целенаправленное преобразование социальных отношений, процессов или институтов для достижения прогнозируемого и верифицируемого результата с оптимальными затратами».

Несмотря на близость предложенных трактовок они в большей или меньшей степени страдают односторонностью подхода к дефиниции социальной технологии, что, по мнению авторов статьи, должны были отметить участники опроса. В этом случае им предлагалось сформулировать свою позицию. Сделали это два участника, один из которых и предложил определение, где подчеркивается алгоритмический характер социально-технологических процедур и операций.

Не вполне адекватная рефлексия состояния теоретико-методологического обоснования социальных технологий. Эта проблема проявляется в том, что исследователи и участники образовательного процесса до настоящего времени оперируют понятиями и формулировками, полученными еще в начале 90-х гг. прошлого века, не замечая революционных изменений, произошедших в мире. Речь прежде всего идет о дигитализации социума. Массовое внедрение цифровых технологий не могло не поставить проблему об их соотношении с социальными. Решения она пока не нашла, поскольку остаются слабо разработанными фундаментальные вопросы социально-технологического знания. Нельзя игнорировать мнение немногочисленных участников нашего опроса, которым было предложено оценить, насколько отечественным исследователям удалось продвинутся в решении таких задач развития социальных технологий, как разработка методологии анализа социальных технологий и понятийного аппарата теории социальных технологий. 12 респондентов в том и другом случае выбрали вариант ответа «существенно», несмотря на уже отмеченные неопределенность понятийного аппарата и отсутствие глубоких методологически значимых работ, что, казалось бы, прямо склоняет к иной оценке.

Непроясненность соотношения социальных технологий и социальной инженерии. В работах отечественных авторов сформулированы как минимум еще две позиции относительно соотношения социальной инженерии и социальных технологий:

– обоснование наличия особого инженерного подхода к управлению общественными системами. Ю. М. Резник определяет социальную инженерию как «область научно-практической деятельности, связанную с применением инженерного подхода к созданию и изменению социальных систем, в том числе социальных институтов, организаций, региональных систем управления, рабочих групп и т. д.» [35, с. 124];

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

– расширенное понимание, выражающееся в трактовке социальной инженерии как методологии социально-управленческой деятельности [39].

При этом для части исследователей и практиков типично негативное отношение к социальной инженерии, причины которого связаны с наличием опыта ее применения для манипуляций человеческим сознанием. Это характерно, например, для сторонников концепции «социальной архитектуры». Так, в учебнике «Социальная архитектура: теория и практика социальных изменений» настоятельно подчеркивается, что социальная инфраструктура не является ни «переродившейся», ни модернизированной версией социальной инженерии [46, с. 167].

Однако, если подход К. Поппера имеет четкую логику и довольно понятен, то иные интерпретации порождают ряд трудностей при анализе темы. Так, позиция Ю. М. Резника в вопросе о соотношении социальных технологий и социальной инженерии ответа не дает, поскольку он вообще не ставится. Не вполне обоснованной представляется попытка наделить социальную инженерию методологической функцией, которую вполне способна выполнить теория социального управления. Наконец, представляется некорректным отказывать социальной инженерии в праве на существование из-за того, что кто-то использует ее возможности в антигуманных целях. Тем более, что любая общественная практика неоднозначна по своим последствиям.

Дезориентация в демаркации социальных технологий и социальной инженерии подтвердило и настоящее исследование. Пять респондентов полагают, что социальная инженерия – это более широкое понятие, чем социальные технологии, поскольку она включает не только технологические, но и интуитивные способы воздействия на социальные системы. Столько же опрошенных посчитали, что социальные технологии представляют собой инструмент социальной инженерии, она задает стратегические цели и рамки их применения. Еще пять специалистов подчеркнули: различие между данными понятиями заключается в том, что социальные технологии фокусируются на процессах, а инженерия – на проектировании и конструировании. По оценке четверых участников опроса, социальные технологии обеспечивают «технику» изменений, а инженерия – их концептуальное обоснование и стратегическое планирование. Трое специалистов высказались за идею о том, что социальная инженерия – это частный инструмент социальных технологий, еще два эксперта указали на тождественность данных терминов. Некоторые эксперты в качестве отличия средств социальной инженерии от социальных технологий указали их манипулятивный характер.

Таким образом, в профессиональном сообществе специалистов в области социальных технологий (если допустить, что оно все же в каком-то виде существует, поддерживаясь межличностными связями некоторых исследователей, хотя они существенно ослабли по сравнению с 90-ми гг. прошлого века) нет единства по принципиально важным позициям. И особенно тревожным является ощущение удовлетворенности ученых, работающих в данном направлении тем заделом, который был сделан около тридцати лет назад, нежелание или неготовность попытаться осмыслить его в контексте дигитальных процессов.

Демаркация социальных и иных технологий. В научных и практических целях важно уметь выделить в общей массе технологий, используемых людьми, социальные. Для этого необходимо вернуться к проблеме дефиниции социальной технологии. В отсутствие стро-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

го, конвенционально признанного специалистами ее определения в научной литературе попытаемся сформулировать хотя бы его более или менее очевидные компоненты.

Во-первых, это определение должно указывать на процессный характер рассматриваемого феномена. Социальные технологии раскрываются через понятия процедур и операций и этим отличаются от близких понятий, таких, например, как «социальный механизм» (оно акцентирует внимание на наличии структуры, посредством которой осуществляются общественные изменения) или «метод». Безусловно, метод (путь познания) предполагает поэтапность в последовательности действий, но не в жесткой форме. А это позволяет игнорировать необходимость четкого разделения действий на процедуры (несколько взаимосвязанных действий) и операции (локализированные во времени и пространстве действия).

Во-вторых, в понятии следует отразить хотя бы минимально необходимые признаки социальных технологий, отличающие их от «нетехнологических» практик.

В-третьих, понятие должно указывать на связь между процессами рационализации и формализации реальности и социальными технологиями.

В-четвертых, в понятии важно зафиксировать функциональную роль социальной технологии.

С учетом этих соображений социальная технология вполне может быть определена как последовательность алгоритмически выстроенных процедур и операций, направленных на достижение оптимальных, с точки зрения субъекта, результатов деятельности посредством использования формально упорядоченных процессов организации и самоорганизации жизни.

Таким образом, линия демаркации социальных технологий и «нетехнологических» социальных практик определяется оппозициями (табл. 2).

Таблица 2. Маркеры социальных технологий и «нетехнологических» социальных практик
Table 2. Oppositions for the demarcation of social technologies and «non-technological» social practices

Социальные технологии	**«Нетехнологические» социальные практики**
Алгоритмичность	Алгоритмы не предусмотрены
Этапность	Разделение на этапы отсутствует или является нечетким
Ориентация на достижение оптимального результата	Задача оптимизации деятельности не ставится или не является главной
Однозначно рациональная мотивация действий	Нерациональная мотивация действий или сочетание рациональной и нерациональной мотивации
Формальная упорядоченность	Содержательная организованность
Системная рефлексия	Неразвитость рефлексивных практик

Но технологии, применяемые людьми, чрезвычайно разнообразны. Они разрабатываются и внедряются практически в любой сфере деятельности, получая адекватное ее содержанию название. Важно понять, как социальные технологии позиционируются в этой общей массе.

Наиболее простой в данной связи представляется разграничение их с так называемыми производственными технологиями, определяющими процедуры обработки/переработки сырья и материалов. Демаркация, что очевидно, определяется объектом воздействия. Для социальных – это люди, для производственных – это объекты, относящиеся к естественной, искусственной и включенной природе. Последнее обстоятельство указывает на то, что воздействие на человеческий организм в ряде случаев становится предметом «производствен-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

ных» технологий. В свою очередь деятельность по изменению природных объектов всегда требовала организации, поэтому любой производственно-технологический комплекс интегрировал в себя организационно-управленческий сегмент, а, следовательно, подпадал под воздействие социальных технологий.

Аналогичная ситуация прослеживается при попытках разграничить информационные и социальные технологии. Первые издавна используются для формирования поведенческих матриц. Но с помощью вторых физические (изначально нейтральные) объекты нередко превращаются в носителей информации, создаются искусственные языки. Социальные технологии используются и в ходе управления информационным пространством.

Таким образом, деление технологий на социальные, производственные и информационные не является абсолютным. Роль социальных технологий при преобразовании природных объектов и информации заключается в разработке алгоритмов, обеспечивающих воспроизводство и развитие социально-управленческого сегмента природных и информационных систем.

Казалось бы, не должно возникать сложностей в определении технологий, используемых в обществе. Здесь, за исключением уже отмеченных относительно фрагментарных до настоящего времени практик применения производственных и информационных технологий, они все – социальные. Но понятие «технологии» соотносится, хотя порой не всегда корректно, с процессами в конкретных сферах общественной жизни. При этом акцент делается не на социальности, но на специфичности этих практик. В научной и популярной литературе обсуждают педагогические технологии, технологии маркетинга, технологии социальной работы, наконец, политические технологии.

Вопрос состоит в том, должны ли эти технологии стать объектом теории социальных технологий? По мнению авторов статьи, область социально-технологического знания целесообразно ограничить изучением, моделированием и проектированием универсальных социальных технологий; в отношении специфических его роль состоит в разработке общих принципов и правил применения социально-технологического подхода в конкретных сферах.

Задача заключается в том, чтобы сформулированные социальными технологами выводы стали, во-первых, основанием для построения специфических технологий; во-вторых, платформой для практической работы социальных инженеров. Потенциальное поле деятельности социальных инженеров, которая должна быть институционализирована в России, включает социальную диагностику; обеспечение взаимодействия институций, решающих социальные проблемы; формирование и развитие социально-технологической культуры и социально-технологического мышления; профессиональное развитие специалистов социальной сферы.

Социальные и цифровые технологии. Процессы цифровизации/дигитализации в последнее время постоянно находятся в сфере внимания ученых [47–50]. Однако практически нет работ, в которых анализируется соотношение цифровых и социальных технологий. Но если исследователи не пытаются разобраться в том, какое влияние цифровизация оказала на социальные технологии, то это не означает его отсутствия. Есть по меньшей мере два формальных обстоятельства, которые позволяют говорить о взаимосвязи между этими составляющими единого технологического процесса. Во-первых, внедрение цифровых техноло-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

гий привело к своего рода реабилитации социальных технологий в общественном сознании. Подобная реабилитация была связана с тем, что довольно длительное время понятие «технологии» в связке с различными определениями беззастенчиво эксплуатировалось представителями различного научного, квазинаучного и ненаучного знания, нередко реализуясь в виде манипулятивных практик. Свою негативную роль в этом процессе сыграли многочисленные политтехнологи. Широкое использование цифровых технологий заставило даже многих скептиков признать: о технологиях применительно к обществу можно рассуждать всерьез, а тем более их исследовать.

Во-вторых, цифровизация имела для социально-технологического подхода в теории и на практике и негативные последствия. Часть из разрабатывавших его специалистов переключилась на исследование дигитальных практик, которые отличаются новизной и открывают простор для формулировки и обоснования новых идей. Такое переключение облегчалось тем, что в обществе развивались конвергентные тенденции, выразившиеся в том числе и в возникновении феномена конвергентных технологий. Их часто определяют как так называемые НБИКС-технологии (технологии, сложившиеся в результате взаимодействия и взаимопроникновения нано-, био-, инфо-, когнитивных и социальных технологий) [51].

Интеграция подпитывается процессами гибридизации социальной реальности, которая становится многослойной и включает в себя традиционный физический, дополненный, интрасубъективный и виртуальный компоненты. Действующие в них объекты принимают характер сложных социобиотехнических систем [52], регулирование которых может быть эффективным лишь при условии интеграции различных практик. Интеграция многократно увеличивает пределы использования технологий в изначально «несвойственной» для них области. В частности, расширяются возможности применения «производственных» по сути технологий для «преобразования» человека. Реальными становятся прогнозы об изменении человеческой сущности – «антропогенного поворота».

Но интеграция не привела к отмене социальных технологий или замене на цифровые. Социальные технологии продолжают оставаться специфической группой алгоритмически выстроенных практик оптимизации человеческой с конкретным (см. выше) набором обязательных признаков. Однако сегодня имеет смысл не только (и не столько) дискутировать относительно числа этих признаков, но обратить внимание на произошедшие в них структурные изменения. Они связаны с изменением роли каждого из трех компонентов социальной технологии: «производственного», информационного и социального. В «доцифровой период» приоритетными становились первый и третий. На практике это означало, что оптимизация человеческой деятельности осуществлялась либо за счет насыщения ее техническими средствами и материальными ресурсами, либо за счет использования властных (в широком понимании этого термина как влияния) полномочий, но отныне она основывается на использовании алгоритмов и в конечном итоге искусственного интеллекта.

Если в традиционных технологиях содержание каждого компонента определял человек, и социальный компонент был основным, то в настоящее время эта функция переходит к ИИ, а человек все больше попадает в зависимость от него и постепенно отстраняется от участия в процедурах социально-технологического выбора. А. В. Резаев и Н. Д. Трегубова, рассматривая эволюцию социально-технологической зависимости, обоснованно утверждают: «Пол-

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

ный цикл этой взаимозависимости проходит три этапа. Сначала человек создает машины, затем передает контроль над автоматами алгоритмам, включая алгоритмы ИИ, а на завершающем этапе возникает положение, когда человек не может организовывать и проживать свою жизнь без алгоритма, становится зависимым от него» [53, с. 6].

Данное обстоятельство дает основание говорить о постепенной трансформации социальных технологий в «инфосоциальные», что отражает общие тенденции развития цифрового общества. Задача социально-гуманитарного знания заключается в осмыслении сути происходящих изменений.

Заключение. Таким образом, характер технологического развития общества диктует необходимость возвращения к исследованиям теоретических оснований социальных технологий, которые в последние два десятилетия оставались на периферии социально-гуманитарного знания в России. Важнейшим фактором, стимулирующим разработки теории социально-технологического подхода, становится цифровизация/дигитализация общества, ведущая к конвергенции технологий.

Однако продвижение в научном осмыслении феномена социальных технологий в дигитальной среде возможно лишь при условии решения некоторых общих вопросов, связанных с определением понятийно-категориального аппарата, уточнением границ специфической области знания и перспектив перевода теории в плоскость практических (социоинженерных) действий. Все это требует реновации традиций изучения и проектирования социальных технологий, которые начали складываться еще в конце прошлого столетия.

В то сложное время создались, как ни парадоксально, довольно благоприятные условия для исследования социальных технологий и применения социоинженерных практик. Во-первых, в обществе ощущалась потребность в инновационных проектах, построенных технологически корректно. Во-вторых, определилась (особенно на региональном уровне) когорта руководителей, готовых и способных к реализации рационально обоснованных стратегий, многие из которых еще не были вовлечены в теневые управленческие схемы. В-третьих, в научном сообществе оформилась группа исследователей, умеющих формулировать креативные идеи и даже внедрять их в практику. Все это было характерно, в частности, для ситуации в Белгородской области, где успешно осуществлялись два масштабных проекта: «Программа улучшения качества жизни населения» и «Стратегия формирования регионального солидарного общества». Последующий реверс в осуществлении социально-технологического подхода, имеющий объективные и субъективные основания, имеет негативные последствия для региона. Причины и результаты его требуют переосмысления. Однако оно вряд ли возможно без решения методологических и общетеоретических проблем социально-технологического подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинская А. Б. Социальные технологии урегулирования конфликтов. М.: Прометей, 2000.

2. Бурнашев К. Э. Стандартизация человека и социальные технологии как феномены современной науки и практики. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013.

3. Герасимов Б. Н., Чумак В. Г. Социальные технологии в управлении. Самара: СНЦ РАН, 2014.

4. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Социальные технологии: учеб. пособие. М.: Муницип. мир, 2004.

5. Осипов Н. Е. Социальные технологии и исторический процесс. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012.

6. Плотников М. В. Социальные технологии менеджмента. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2012.

7. Шадрина Л. Ю. Социальные технологии в системе управления. Новосибирск: НГУЭУ, 2011.

8. Щербина В. В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М.: Новый хронограф, 2018.

9. Демидов А. В., Юдина Т. Н. Социальные технологии как фактор устойчивого развития средних городов: управленческий потенциал и ограничения // Социально-гуманитарные технологии. 2025. № 3 (35). С. 42–52.

10. Лукиных А. А., Пономарева Д. А. Социальные технологии регулирования «утечки умов» // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2023. № 1. С. 157–164.

11. Проказина Н. В., Хатнюк Н. Н. Социально-технологический подход к формированию государственно-гражданской идентичности российской молодежи в современных условиях // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 42–57. DOI: https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-3

12. Федоров П. А. Социальные технологии управления сферой физической культуры и спорта // Социальные и экономические системы. 2025. № 1. С. 55–65.

13. Газиева И. А. Поиск ценностного ядра устойчивости социальной общности: использование технологий социальной инженерии // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2026»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2026. С. 708–710.

14. Мукожева Д. А. Социальная темпоральность как технология управления: конструирование «правильного будущего» в современной России // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2026»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2026. С. 750–751.

15. Попкова Н. В. Социальные технологии как философское понятие // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2026»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2026. С. 760–762.

16. Янкина И. В. Роль социального технолога в преобразовании современной социальной реальности // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2026»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2026. С. 792–794.

17. Гавриленко О. В. От социальной инженерии к социальной архитектуре: развитие социальных технологий в России XX–XXI вв. // Российская социология: связь времен и горизонты будущего: XX Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2026»: сб. материалов. М.: МАКС Пресс, 2026. С. 706–707.

18. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Социальная архитектура как технология со-управления // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 5. С. 199–204. DOI: https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-5-199-204

19. Яницкий О. Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5734

20. Лесина Л. А., Забокрицкая Л. Д. Социальные технологии государственного и муниципального управления: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021.

21. Социальные технологии: учебник для вузов / под ред. И. Б. Орловой. М.: Юрайт, 2026.

22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

23. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М. И. Левиной, А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.

24. Burke E. Reflection on the revolution in France. Indianapolis: Hackett Pub. Co., 1987.

25. Зубок Ю. А. Молодежь в изменяющемся обществе: социологическое обоснование механизмов взаимодействия и моделей социальной регуляции // Доклады кандидатов в члены

РАН, баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2022 году. М.: Новые печатные технологии, 2023. С. 339–349.

26. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М.: Прогресс, 1976.

27. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

28. Волков Е. Н. Социальная инженерия: явление и его концептуализация // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 96–101.

29. Данакин Н. С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления. Белгород: Центр социальных технологий, 1996.

30. Дятченко Л. Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. М.; Белгород: Центр социальных технологий, 1993.

31. Калмыков Н. Н. Социальные архитектуры как объект социологического анализа и управления: генезис, фрагментация подходов и необходимость целостной теории // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 2. С. 102–106.

32. Кочергин В. Я. Структурно-функциональный анализ социальных технологий // Социологический альманах. 2019. № 10. С. 49–55.

33. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М.: Прогресс, 1982.

34. Мельников А. И. Социальная инженерия в цифровой эпохе: анализ методов манипуляции человеческим фактором в целях кибератак // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 50–54.

35. Резник Ю. М. Социальная инженерия как профессия // Изв. Томск. политех. ун-та. 2011. Т. 318, № 6. С. 124–130.

36. Розанов Э. А. Социальные технологии как метод управления коллективом промышленного предприятия: дис. ... канд. социол. наук / МГУ. М., 1991.

37. Сорокина Д. Д., Милевская Ф. А. Социальная архитектура в современной России: практика реализации // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 10. С. 147–151.

38. Сурмин Ю. П., Туленков Н. В. Теория социальных технологий: учеб. пособие. Киев: МАУП, 2004.

39. Уржа О. А. Социальная инженерия как методология управленческой деятельности // Социол. исслед. 2017. № 10 (402). С. 87–96. DOI: 10.7868/S0132162517100099

40. Щербина В. В. Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // Социол. исслед. 1990. № 8. С. 79–86.

41. Щербина В. В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социол. исслед. 2014. № 7 (363). С. 113–124.

42. BIM as a Social Technology to Enhance Governmental Decision-Making in Social Housing Programming / C. S. T. do Carmo, R. G. Faisca, V. F. B. Menezes et al. // Real Estate. 2025. Vol. 2, № 4: 20. DOI: https://doi.org/10.3390/realestate2040020

43. Solano E., Gallego J., Rubalcaba L. Social innovation and Nelson's evolutionary legacy on social technologies // J. Ind. Bus. Econ. 2025. № 53. P. 23–34. DOI: https://doi.org/10.1007/s40812-025-00376-x

44. Плотников М. В., Смельцова С. В. Социальные технологии как объект социологического исследования // В мире научных открытий. 2012. № 4–3 (28). С. 169–187.

45. Поппер К. Р. Нищета историцизма / пер. с англ. С. А. Кудриной. М.: Прогресс: VIA, 1993.

46. Социальная архитектура: теория и практика социальных изменений: учебник / ред. С. В. Володенков. М.: Проспект, 2026.

47. Афанасов Н. Как цифровизация снова делает мир плоским // Логос. 2025. Т. 35, № 4. С. 167–193. DOI: https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-4-167-193

48. Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Социология цифрового общества. Томск: Изд-во ТПУ, 2021.

49. Фокина Н. Ю., Мехдиев Э. Т. Основные риски и последствия цифровизации корпоративного сектора // Дискуссия. 2024. № 3 (124). С. 70–80. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-3-124-70-80

ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 5. С. 120–139
DISCOURSE. 2026, vol. 12, no. 5, pp. 120–139

50. Щербаков Р. А. Риски цифровизации: систематизация научного поля // Социологический журнал. 2025. Т. 31, № 1. С. 73–91. DOI 10.19181/socjour.2025.31.1.4

51. Желобова Ю. В., Счастливцева Е. А. НБИКС-технологии и проблема антропологической эволюции // Вестн. ВятГУ. 2020. № 3 (137). С. 7–19. DOI: 10.25730/VSU.7606.20.035

52. Ефременко Д. В., Ермолаева П. О., Яницкий О. Н. О социобиотехнических системах // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 138–147. DOI: 10.31857/S004287440005064-5

53. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3 (175). С. 3–22. DOI: 10.14515/monitoring.2023.3.2384

Информация об авторах

Бабинцев Валентин Павлович – доктор философских наук (1999), профессор (2001), профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия. Автор более 350 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология управления, социальные технологии, социальная консолидация, социология образования.

Шаповал Жанна Александровна – кандидат социологических наук (2011), доцент (2019), доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология управления, социальные технологии, социальная консолидация, социология образования.

Румянцев Никита Геннадьевич – соискатель кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные технологии, региональная безопасность.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 04.05.2026; принята после рецензирования 11.06.2026; опубликована онлайн 17.11.2026.

REFERENCES

1. Belinskaya, A.B. (2020), *Sotsial'nye tekhnologii uregulirovaniya konfliktov* [Social technologies of conflict resolution], Prometei, Moscow, RUS.

2. Burnashev, K.E. (2013), *Standartizatsiya cheloveka i sotsial'nye tekhnologii kak fenomeny sovremennoi nauki i praktiki* [Human standardization and social technologies as phenomena of modern science and practice: monograph], PSTU, Yoshkar-Ola, RUS.

3. Gerasimov, B.N. and Chumak, V.G. (2014), *Sotsial'nye tekhnologii v upravlenii* [Social technologies in management], SSC RAS, Samara, RUS.

4. Ivanov, V.N. and Patrushev, V.I. (2004), *Sotsial'nye tekhnologii* [Social technologies], Municip. mir, Moscow, RUS.

5. Osipov, N.E. (2012), *Sotsial'nye tekhnologii i istoricheskii protsess* [Social technologies and the historical process], Izd-vo Chuvashskogo un-ta, Cheboksary, RUS.

6. Plotnikov, M.V. (2012), *Sotsial'nye tekhnologii menedzhmenta* [Social management technologies], NIU RANHiGS, N. Novgorod, RUS.

7. Shadrina, L.Yu. (2011), *Sotsial'nye tekhnologii v sisteme upravleniya* [Social technologies in the management system], NSUEM, Novosibirsk, RUS.

8. Shcherbina, V.V. (2018), *Ratsionaliziruyushchie diagnosticheskie upravlencheskie sotsial'nye tekhnologii* [Rationalizing diagnostic managerial social technologies], Novyi chronograf, Moscow, RUS.

9. Demidov, A.V. and Yudina, T.N. (2025), “Social technologies as a factor of sustainable development of medium-sized cities: management potential and limitations», *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*, no. 3 (35), pp. 42–52.

10. Lukinykh, A.A. and Ponomareva, D.A. (2023), “Social regulation technologies “brain drain””, *Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody social'nyh issledovanii* [Modern Society: Issues of Theory, Methodology, Methods of Social Research], no. 1, pp. 157–164.

11. Prokazina, N.V. and Khatnyuk, N.N. (2025), “A socio-technological approach to the formation of the state-civic identity of Russian youth in modern conditions”, *Research Result. Sociology and Management*, vol. 11, no. 1, pp. 42–57. DOI: https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-3

12. Fedorov, P.A. (2025), “Social technologies of management in physical training and sports”, *Social and Economic Systems*, no. 1, pp. 55–65.

13. Gazieva, I.A. (2026), “The search for the value core of the sustainability of a social community: the use of social engineering technologies”, *Rossiiskaya sotsiologiya: svyaz' vremen i gorizonty budushchego: XX Mezhdunar. nauch. konf. “Sorokinskie chteniya–2026”* [Russian sociology: the connection of times and horizons of the future: XX Int. Scientific Conf. "Sorokin Readings–2026"], MAKS Press, Moscow, RUS, pp. 708–710.

14. Mukozheva, D.A. (2026), “Social temporality as a management technology: de-signing the "right future" in modern Russia”, *Rossiiskaya sotsiologiya: svyaz' vremen i gorizonty budushchego: XX Mezhdunar. nauch. konf. “Sorokinskie chteniya–2026”* [Russian sociology: the connection of times and horizons of the future: XX Int. Scientific Conf. “Sorokin Readings–2026”], MAKS Press, Moscow, RUS, pp. 750–751.

15. Popkova, N.V. (2026), “Social technologies as a philosophical concept”, *Rossiiskaya sotsiologiya: svyaz' vremen i gorizonty budushchego: XX Mezhdunar. nauch. konf. “Sorokinskie chteniya–2026”* [Russian sociology: the connection of times and horizons of the future: XX Int. Scientific Conf. “Sorokin Readings–2026”], MAKS Press, Moscow, RUS, pp. 760–762.

16. Yankina, I.V. (2026), “The role of the social technologist in the transformation of modern social reality“, *Rossiiskaya sotsiologiya: svyaz' vremen i gorizonty budushchego: XX Mezhdunar. nauch. konf. “Sorokinskie chteniya–2026”* [Russian sociology: the connection of times and horizons of the future: XX Int. Scientific Conf. “Sorokin Readings–2026”], MAKS Press, Moscow, RUS, pp. 792–794.

17. Gavrilenko, O.V. (2026), “From social engineering to social architecture: the de-velopment of social technologies in Russia in the XX – XXI centuries”, *Rossiiskaya sotsiologiya: svyaz' vremen i gorizonty budushchego: XX Mezhdunar. nauch. konf. “Sorokinskie chteniya–2026”* [Russian sociology: the connection of times and horizons of the future: XX Int. Scientific Conf. “Sorokin Readings–2026”], MAKS Press, Moscow, RUS, pp. 706–707.

18. Gainutdinova, L.A. and Gainutdinov, R.I. (2025), “Social architecture as a co-management technology”, *Sociopolitical Sciences*, vol. 15, no. 5, pp. 199–204. DOI: https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-5-199-204

19. Yanitskiy, O.N. (2018), “On modernization of the humanities”, *Sociologicheskaja nauka i social'naia praktika*, vol. 6, no. 1 (21), pp. 7–22.

20. Lesina, L.A. and Zabokritskaya, L.D. (2021), *Sotsial'nye tekhnologii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Social technologies of state and municipal managemen], Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, RUS.

21. Orlova, I.B. (2026), *Sotsial'nye tekhnologii* [Social technologies], Yurait, Moscow, RUS.

22. Berger, P. and Luckmann, T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E., Medium, Moscow, RUS.

23. Weber, M. (1990), *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Transl. by Levina, M.I., Filippov, A.F., Gaidenko, P.P., Progress, Moscow, USSR.

24. Burke, E. (1987), *Reflection on the revolution in France*, Hackett Pub. Co., Indianapolis, USA.

25. Zubok, Yu.A. (2023), “Youth in a changing society: a sociological justification of mechanisms of interaction and models of social regulation”, *Doklady kandidatov v chleny RAN, ballotirovavshikhsya*

po sektsii filosofii, politologii, sotsiologii, psikhologii i prava v 2022 godu [Reports of candidates for members of the Russian Academy of Sciences who ran for the Philosophy, Political Science, sociology, psychology and law sections in 2022], Novye pechatnye tekhnologii, Moscow, RUS, pp. 339–349.

26. Stefanov, N. (1976), *Obshchestvennye nauki i sotsial'naya tekhnologiya* [Social sciences and social technology], Progress, Moscow, USSR.

27. North, D. (1997), *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Transl. by Nesterenko, A.N., Fond ehkonomicheskoi knigi "Nachala", Moscow, RUS.

28. Volkov, E.N. (2014), "Social engineering: the phenomenon and its conceptualization", *Vestnik of Lobachevsky State Univ. of Nizhni Novgorod. Ser. Social Sciences*, no. 3 (35), pp. 96–101.

29. Danakin, N.S. (1996), *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy proektirovaniya tekhnologii sotsial'-nogo upravleniya* [Theoretical and methodological foundations of designing social management technologies], Tsentr sotsial'nykh tekhnologii, Belgorod, RUS.

30. Dyatchenko, L.Ya. (1993), *Sotsial'nye tekhnologii v upravlenii obshchestvennymi protsessami* [Social technologies in the management of social processes], Tsentr sotsial'nykh tekhnologii, Belgorod, RUS.

31. Kalmykov, N.N. (2026), "Social architectures as an object of sociological analysis and management: genesis, fragmentation of approaches, and the necessity of a holistic theory", *Social and humanitarian knowledge,* no. 2, pp. 102–106.

32. Kochergin, V.Ya. (2019), "Structural-functional analysis of social technologies", *Sociologicheskij al'manah*, no. 10, pp. 49–55.

33. Markov, M. (1982), *Tekhnologiya i ehffektivnost' sotsial'nogo upravleniya* [Technology and effectiveness of social management], Progress, Moscow, USSR.

34. Melnikov, A.I. (2024), "Social engineering in the digital age: analysis of methods of manipulating the human factor for cyber attacks", *Social and humanitarian knowledge*, no. 1, pp. 50–54.

35. Reznik, Yu.M. (2011), "Social engineering as a profession", *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, vol. 318, no. 6, pp. 124–130.

36. Rozanov, E.A. (1991), "Social technologies as a method of managing the collective of an industrial enterprise", Can. Sci. (Sociology) Thesis, MSU, Moscow, RUS.

37. Sorokina, D.D. and Milevskaya, F.A. (2025), "Social architecture in modern Russia: implementation practice", *Social and humanitarian knowledge*, no. 10, pp. 147–151.

38. Surmin, Yu.P. and Tulenkov, N.V. (2004), *Teoriya sotsial'nykh tekhnologii* [Theory of social technologies], Kiev, MAUP, UKR.

39. Urzha, O.A. (2017), "Social engineering as methodology of management activity", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 10 (402), pp. 87–96. DOI: 10.7868/S0132162517100099

40. Shcherbina, V.V. (1990), "Problems of technologization of socioengineering activities", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 79–86.

41. Shcherbina, V.V. (2014), "Social technologies: a history of term, content transformation, and contemporary state", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 7 (363), pp. 113–124.

42. Do Carmo, C.S.T., Faisca, R.G., Menezes, V.F.B. et al. (2025), "BIM as a Social Technology to Enhance Governmental Decision-Making in Social Housing Programming", *Real Estate*, vol. 2, no. 4: 20. DOI: https://doi.org/10.3390/realestate2040020

43. Solano, E., Gallego, J. and Rubalcaba, L. (2025), "Social innovation and Nelson's evolutionary legacy on social technologies", *J. Ind. Bus. Econ*, no. 53, pp. 23–34. DOI: https://doi.org/10.1007/s40812-025-00376-x

44. Plotnikov, M.V. and Smeltsova, S.V. (2012), "Social technologies as a social research's subject", *In the World of Scientific Discoveries*, no. 4–3 (28), pp. 169–187.

45. Popper, K.R. (1993), *The poverty of historicism*, Transl. by Kudrina, S.A., Progress, VIA, Moscow, RUS.

46. Volodenkov, S.V. (2026), *Sotsial'naya arkhitektura: teoriya i praktika sotsial'nykh izmenenii* [Social architecture: theory and practice of social change], Prospekt, Moscow, RUS.

47. Afanasov, N. (2025), "How digitalization makes the world flat again", *Logos*, vol. 35, no. 4, pp. 167–193. DOI: https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-4-167-193

48. Vasilenko, L.A. and Meshcheryakova, N.N. (2021), *Sotsiologiya tsifrovogo obshchestva* [Sociology of digital society], Tomsk, TSU, RUS.

49. Fokina, N.Y. and Mehdiev, E.T. (2024), "The main risks and consequences of digitalization of the corporate sector", *Discussion*, no. 3 (124), pp. 70–80. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-3-124-70-80

50. Shcherbakov, R.A. (2025), "The risks of digitalization: systematization of the scientific field", *Sociological J.*, vol. 31, no. 1, pp. 73–91. DOI 10.19181/socjour.2025.31.1.4

51. Zhelobova, Yu.V. and Schastlivtseva, E.A. (2020), "NBICS technologies and the problem of anthropological evolution», *Herald of Vyatka State Univ.*, no. 3 (137), pp. 7–19. DOI: 10.25730/VSU.7606.20.035

52. Efremenko, D.V., Ermolaeva, P.O. and Yanitskiy, O.N. (2019), "On sociobiotechnical systems", *Voprosy Filosofii*, no. 5, pp. 138–147. DOI: 10.31857/S004287440005064-5

53. Rezaev, A.V. and Tregubova, N.D. (2023), "From the sociology of algorithms to social analytics of artificial sociality: reflecting on the cases of API and ChatGPT", *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 3 (175), pp. 3–22. DOI: 10.14515/monitoring.2023.3.2384

Information about the authors

Valentin P. Babintsev – Dr. Sci. (Philosophy, 1999), Professor (2001), Professor at the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy st., Belgorod 308015, Russia. The author of more than 350 scientific publications. Area of expertise: sociology of management, social technologies, social consolidation, sociology of education.

Zhanna A. Shapoval – Can. Sci. (Sociology, 2011), Docent (2019), Associate Professor at the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy st., Belgorod 308015, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: sociology of management, social technologies, social consolidation, sociology of education.

Nikita G. Rumyantsev – Applicant at the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy st., Belgorod 308015, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: social technologies, regional security.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 04.05.2026; adopted after review 11.06.2026; published online 17.11.2026.